

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 338(470+571)

JEL: A10, F01

Проблемы рыночной трансформации российской экономики*Алексеева Н. А.*, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0003-4220-0193>, AuthorID: 644352 (РИНЦ)

e-mail: 497477@mail.ru

Гоголев И.М., д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0002-1340-5803>, SPIN-код: 4763-3350

e-mail: gogolev_im@mail.ru

Кислицкий М.М., д.э.н.<https://orcid.org/0000-0001-6413-6124>, SPIN-код (РИНЦ): 2643-2089

AuthorID: 57213583687

e-mail: mmk-science@yandex.ru

Рыжкова О.И., к.э.н., доцент<https://orcid.org/0000-0002-0345-9584>, AuthorID: 375018 (РИНЦ)

e-mail: 497477@mail.ru

Для цитирования

Алексеева Н.А., Гоголев И.М., Кислицкий М.М., Рыжкова О.И. Проблемы рыночной трансформации российской экономики // Проблемы рыночной экономики. – 2024. – № 3 – С. 34-44.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-34-44>**Аннотация**

Российская экономика оказывает все большее геополитическое и экономическое влияние на экономические тренды, которые складываются в мировом хозяйстве. В этом ей помогают богатая ресурсная база, высокий интеллектуальный потенциал, лидерство в базовых отраслях экономики, выгодное геополитическое расположение, грамотная стратегическая политика властей. Недостатками в экономическом развитии в России являются ограниченность производственных мощностей, способных производить конкурентоспособную продукцию, низкий уровень инновационной активности и коммерциализации инноваций, отсутствие некоторых технологических компетенций, дефицит рабочих и инженерных кадров, низкий уровень цифровизации управления. Поэтому *актуальными* становятся вопросы поиска резервов для более активной структурной трансформации экономики. Целью исследования стало изучение современных теоретических подходов к формированию структурной экономической политики, анализ воспроизводственных пропорций по официальной статистике, выявление проблем и потенциала роста ключевых отраслей экономики за счет использования инструментов макроэкономической политики. Задачи исследования связаны с изучением новых концепций структурной макроэкономической воспроизводственной политики, расчете базовых воспроизводственных пропорций за последние 5-8 лет, анализе динамики ключевых показателей, характеризующих структурные изменения, разработке рекомендаций по совершенствованию макроэкономических пропорций в важнейших отраслях. Научная новизна исследования заключается в оценке прогрессивности структурных трансформаций в российской экономике. Практическая значимость исследования заключается в возможности прогнозирования дальнейших структурных преобразований на основе выявленных тенденций и резервов роста выпуска в перспективных отраслях.

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, промежуточное потребление, добавленная стоимость, лесохозяйственный комплекс, IT-технологии, экспорт, импорт, макроэкономика.

Problems of market transformation of the Russian economy

Natalya A. Alekseeva, Doctor of Economics, Professor
<https://orcid.org/0000-0003-4220-0193>, AuthorID: 644352 (РИНЦ)
e-mail: 497477@mail.ru

Igor M. Gogolev, Doctor of Economics, Professor
<https://orcid.org/0000-0002-1340-5803>, SPIN-код: 4763-3350
e-mail: gogolev_im@mail.ru

Mikhail M. Kislitsky, Doctor of Economics
<https://orcid.org/0000-0001-6413-6124>, SPIN-код (РИНЦ): 2643-2089
AuthorID: 57213583687
e-mail: mmk-science@yandex.ru

Olga I. Ryzhkova, Candidate of Economics, Associate Professor
<https://orcid.org/0000-0002-0345-9584>, AuthorID: 375018 (РИНЦ)
e-mail: 497477@mail.ru

For citation

Alekseeva N.A., Gogolev I.M., Kislitsky M.M., Ryzhkova O.I. Problems of market transformation of the Russian economy // Market economy problems. – 2024. – № – Pp. 34-44 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-3-34-44>

Abstract

The Russian economy has an increasing geopolitical and economic impact on the economic trends that are taking shape in the world economy. In this she is helped by a rich resource base, high intellectual potential, leadership in the basic sectors of the economy, favorable geopolitical location, competent strategic policy of the authorities. The disadvantages in economic development in Russia are limited production capacities capable of producing competitive products, a low level of innovation activity and commercialization of innovations, a lack of some technological competencies, a shortage of workers and engineering personnel, and a low level of digitalization of management. Therefore, the issues of finding reserves for a more active structural transformation of the economy are becoming relevant. The aim of the study was to study modern theoretical approaches to the formation of structural economic policy, analyze the reproducible proportions of official statistics, identify problems and growth potential of key sectors of the economy through the use of macroeconomic policy tools. The objectives of the study are related to the study of new concepts of structural macroeconomic reproductive policy, the calculation of basic reproductive proportions over the past 5-8 years, the analysis of the dynamics of key indicators characterizing structural changes, and the development of recommendations for improving macroeconomic proportions in critical industries. The scientific novelty of the study lies in the assessment of the progressiveness of structural transformations in the Russian economy. The practical significance of the study lies in the ability to predict further structural transformations based on the identified trends and reserves of output growth in promising industries.

Key words: gross domestic product, intermediate consumption, value added, forestry complex, IT technologies, export, import, macroeconomics.

Введение

Проблемы макроэкономического развития страны могут решаться методами и инструментами краткосрочного регулирования макроэкономической стабильности, а могут решаться и методами стратегических регулируемых макроэкономических сдвигов в основных воспроизводственных пропорциях между отраслями и секторами экономики, промежуточным потреблением и добавленной стоимостью, сферой материального производства и сферой услуг, направлениями использования валового продукта. Это зависит от достигнутого уровня и проблем экономического развития страны, геополитической позиции страны на мировых рынках, готовности управляющих структур принимать судьбоносные стратегические решения в условиях высокой неопределенности, отсутствия резерва времени для принятия решений, одновременной кардинальной перестройки товарно-денежных потоков и апробировании новых производственных технологий.

Обзор литературы и исследований

Теоретические основы структурных сдвигов в экономике заложены в трудах Белл Д. (Bell, 1973), Рейч Р. (Reich, 1992), Татаркина А. И. (Татаркин, 2010), Клейнера Г. Б. (Клейнер, 2015), Ясина Е. Г. (Ясин, 2001), Глазьева С. Ю. (О стратегии развития экономики России, 2011) и других ученых, изучавших волны в постиндустриальной экономике, рынки в период глобализации экономических связей, становление необходимых рыночных институтов. В настоящем временном периоде беспрецедентного санкционного давления на первый план государственной экономической политики выходят все те же самые проблемы структуризации экономики, но решать их предстоит уже в условиях ограниченного политического и технологического суверенитета и в самые кратчайшие сроки.

Алешина О.Г. рассмотрела методологические подходы к изучению понятий «структурного сдвига» и «антисдвига», воспроизводственных моделей экономики (классическая, неоклассическая, кейнсианская, марксова), основных направлений шокового воздействия на экономику, факторов воздействия и видов последствий воздействия (динамических и структурных эффектов). Автор утверждает, что основные направления воздействия заключаются в нарушении следующих диспропорций между: долей инвестиций в основной капитал и долей товарно-материальных запасов, долей частных инвестиций и государственных инвестиций, нормой накопления и отдачей от инвестиций, спадом инноваций и росту импортных технологических закупок, сосредоточением передовых производственных технологий в ОПК и сокращением количества исследователей и инновационных предпринимателей. Также актуально для оценки воспроизводственных процессов сравнивать следующие показатели: норму накопления и сбережения, отраслевые и технологические пропорции инвестиций, соотношение инвестирования в материальный и человеческий капитал. Автор пришел к выводу, что экзогенные факторы воздействия на экономику России способны вызвать краткосрочные потрясения в виде снижения выпуска продукции в отдельных отраслях. Основным противодействующим методом снижения шоковых воздействий названы государственная поддержка экономики, развитие автономным инвестиций, широкое и быстрое распространение инноваций, аккумулирование и вложений инвестиций в экономику, образованных внедрением инноваций (Алешина, 2024). Автор разработал концепцию регулируемых структурных сдвигов в экономике неоиндустриального типа, в которой отразилось использование вышеперечисленных инструментов управления. По мнению автора, в настоящее время в России неоиндустриальный сдвиг запаздывает и это явление в принципе не признано в документах стратегического планирования. Все еще происходит реиндустриальная трансформация экономики под воздействием внутренних шоков («шоковая терапия» 90-х годов прошлого века, приватизация) и двух волн внешних санкционных шоков (Алешина, 2024). Цели структурной политики подменяются краткосрочными целями макроэкономической стабилизации (Алешина, 2023). Алешина О. Г. раскрыла содержание основных этапов перехода к регулируемым прогрессивным структурным сдвигам в экономике. Квинтэссенция перехода связана с отказом от создания и распределения сырьевой ренты, возрастанием значимости интеллектуальной ренты за счет роста производительности труда (Алешина, 2024).

Михеева Н. Н. подчеркнула, что внешнеполитические и экономические санкции вызвали изменения не только в отраслевой структуре, но и в пространственно-региональном распределении национального дохода. Отстающими по ВВП стали регионы с развитой добычей и экспортом полезных ископаемых, высокотехнологичными отраслями, зависящими от импорта технологического оборудования, опережающими регионами стали регионы с высокой долей оборонного сектора экономики (Михеева, 2023).

Радионова Е. А. привела экономические доказательства взаимосвязи между уровнем состоятельности государства, понимаемой, в частности, как способности государства выбирать и выполнять собственные решения, и устойчивостью его экономики (Радионова, 2023).

Скрипко В. Е., Жиронкин С. А. отметили сетевой характер структурной трансформации экономики страны, под которым понимается совместное участие хозяйствующих субъектов в инвестировании, разработке новых технологий, производстве и потреблении продукции (краудинвестинг, краудфандинг, шеринг). Участие в сетях, как доказывают авторы, укрепляет устойчивость российской экономики к разного рода шокам (Скрипко и Жиронкин, 2024).

Западные исследователи тоже проявляют интерес к вопросам, связанным со структурными шоками в экономике. Несмотря на высокий уровень жизни в развитых странах, их экономики могут испытывать различные шоки. В настоящее время многие из этих шоков вызваны действиями самих западных правительств. Например, Reif, M. (Reif, 2022) отметил, что экономика Германии особенно подвержена нефтяным шокам, а также характеризуется высокой долей экспорта и значительной энергоемкостью производственных процессов. Alessio Terzi (Terzi, 2020) поднимал вопрос о необходимости пересмотра архитектуры еврозоны с целью повышения независимости денежно-кредитной политики стран Европы.

В странах глобального Юга и Восточной Азии исследователи сосредоточены на проблемах, связанных с регулированием инфляции, уровнем безработицы и инвестированием в новые сектора экономики, отличные от сырьевых. Например, Boroumand, S., Mohammadi, T., Pajooyan, J., Memarnejad, A. (Boroumand, Mohammadi, Pajooyan, Memarnejad, 2019) отметили, что иранская экономика подвержена влиянию цен на нефть, колебаниям валютного курса и уровню инфляции. Важными остаются макроэкономические исследования, посвященные взаимосвязи между уровнем инфляции и уровнем безработицы в условиях различных шоков (Geiger, Scharler, 2021). Banerjee, S., Basu, P. изучали, как факторы, такие как производительность, инвестиции в технологии, фискальные расходы и процентные ставки, влияют на молодую рыночную экономику Индии (Banerjee, Basu, 2019). Zhang, S., Zhu, C., Li, X., Yu, X., Fang, Q. (Zhang, Zhu, Li, Yu, Fang, 2022) исследовали структурные изменения в экономике Китая в контексте эластичности замены факторов производства. Bondarev, A., Greiner, A. (Bondarev, Greiner, 2022) анализировали, как структурные инновации могут способствовать экономическому росту и замедлению изменений климата. Soummane, S., Gherzi, F., Lefèvre, J. (Soummane, Gherzi, Lefèvre, 2019) отметили, что Саудовская Аравия находится на пути проведения энергетических реформ, включая сокращение активности в энергоемких секторах, снижение энергетических затрат и перераспределение доходов в другие секторы экономики. Ryazantsev, S.V., Rostovskaya, T.K., Zolotareva, O.A. (Ryazantsev, Rostovskaya, Zolotareva, 2021) исследовали макроэкономические измерения с точки зрения методических подходов к оценке на примере стран Евразийского экономического союза. Soufi, Mohsen, Shirazi разрабатывали показатели макроэкономической устойчивости (Soufi, Mohsen, Shirazi, 2022). Boateng, Ameyaw, Mensah (Boateng, A., Ameyaw, C., Mensah, 2020) акцентировали внимание на строительной отрасли, которая может значительно способствовать валовому внутреннему продукту страны.

В западной науке сейчас обозначился тренд на применение экономико-математического аппарата к большим базам данных, полученных в результате дистанционного зондирования поверхности Земли. Так, исследователи Duede, E., Zhorin, V. изучали конвергенцию экономических систем разных стран и национальных систем с помощью световых потоков, видимых из космоса, и методик анализа распределенного воздействия экономического развития. Отметили, что до «великой рецессии», которая наступила после финансового кризиса, городских агломераций было больше, людские потоки больше направлялись в крупные городские агломерации, происходило «опустынивание» внутренних территорий, а также «в глобальном масштабе непропорционально высокие уровни роста и чрезмерно высокие

уровни распада стали более редкими с течением времени». По световым потокам людской активности можно судить об отдаче от инвестиций, которая не всегда оправдывает ожидания (Duede, Zhorin, 2016).

Таким образом, видно, что развивается понятийный аппарат, методический инструментальный концепции макроэкономических структурных сдвигов, прослеживается ее сочетаемость с классическими экономическими теориями, усиливается тренд на изучение регулируемости сдвигов. В развитии данной темы отметим недостаточность экономических обоснований будущих пропорций развития экономики в части детализации видов деятельности и перетока капитала между ними, актуализации баз данных для проведения сравнительного анализа явлений (в настоящее время таблицы «затраты-выпуск» формируются с опозданием на четыре года). Проведенные исследования западных ученых в значительной степени опираются на оперативные данные, полученные из опросов общественного мнения и прогнозных оценок, сделанных экспертами, а не на официальную статистику. Это отмечают Bondarev, A. и Greiner, A. (Bondarev, Greiner, 2022), а также Geiger, M. и Scharler, J. (Geiger, Scharler, 2021). Выводы этих исследований формируются на основе мнений и прогнозов специалистов, что может влиять на их объективность и достоверность, поскольку они не используют официальные статистические данные как основу для анализа.

Постараемся восполнить вышеуказанные пробелы настоящим исследованием.

Результаты исследования и обсуждения

Валовой продукт в России увеличился с 2016 г. по 2020 г. со 153,4 трлн. руб. до 197,6 трлн. руб., т.е. на 28,8%. С точки зрения целевого показателя роста добавленной стоимости его структура несколько ухудшилась: за 2020 г. промежуточное потребление составило наибольшую величину за 5 лет – 50,9%, добавленная стоимость – наименьшую величину – 49,1%.

Наиболее материалоемким, т.е. с наибольшим промежуточным потреблением, из всех отраслей экономики было производство электроэнергии, газа, пара, кондиционирование воздуха – 81,1% в 2020 г. (табл. 1), что объясняется содержанием резервных производственных фондов, обеспечивающих надежность электроснабжения отраслей и населения. Второе место среди отраслей отводилось сельскому хозяйству: материальная составляющая в 2020 г. – 50,2%. Доля собственной продукции для внутреннего потребления снижалась с 32,3 % до 31,5 %. Это объяснялось возрастающим спросом других отраслей на продукцию сельского хозяйства.

За последние 5 лет сфера услуг стала более материалоемкой: доля промежуточного потребления в 2016 г. – 42,0%, в 2020 г. – 43,7%. Рост материалоемкости сферы услуг происходил за счет роста материальных затрат в секторе ИТ-технологий и на транспорте. Особенно высокой материалоемкостью выделалось производство программных продуктов и информационных технологий (далее - ИТ-технологии) – 73,7% в 2020 г., то есть оно находилось в начале развития. Доля ИТ-технологий в добавленной стоимости еще мала – 26,3% в 2020 г. В ИТ-технологиях основная продукция на 95,7% создавалась в самой отрасли информационных технологий. Отрасль достаточно глубоко интегрирована в экономику, т.к. использование ее конечного продукта осуществлялось в 2020 г. на 72% другими отраслями экономики.

Таблица 1 / Table 1

Динамика и структура промежуточного потребления в валовом выпуске в России / Dynamics and structure of intermediate consumption in gross output in Russia

Отрасль	Доля промежуточного потребления, %				
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сельское хозяйство	54,4	53,8	53,7	56,8	50,2
Добывающие производства	45,2	46,6	42,9	42,6	46,3
Обрабатывающие производства	40,7	40,8	41,4	40,6	41,7
Производство электроэнергии	80,6	80,7	80,7	81,4	81,1
Строительство	21,5	20,5	21,2	21,8	20,8
Всего материальная сфера	42,9	43,1	42,9	42,5	43,0
ИТ-технологии	68,5	70,5	69,0	72,3	73,7

Транспорт	73,7	73,4	72,8	72,3	76,9
Образование	4,5	4,6	4,5	4,5	4,2
Здравоохранение	3,9	3,9	3,5	3,6	3,4
Спорт, отдых, развлечения	14,3	14,5	14,8	15,5	19,2
Всего сфера услуг	42,0	42,8	42,5	43,6	43,7

Источник / Source: Составлено авторами / Compiled by the authors.

Валовой продукт создается в сферах материального производства и услуг. Если рассматривать материальное производство только в секторе отечественных производителей, то его доля в валовом выпуске товаров оставалась неизменной и на низком уровне – 47,1-47,2% в 2016 и 2020 гг. Если кроме отечественной продукции брать еще и импортную продукцию, а также включить торгово-транспортную наценку и выпуск продукции пересчитать в ценах покупателей, то доля материального производства составит 61,7-62,4%. Ее прирост существенным образом осуществлялся за счет импорта продукции. Соответственно, доля сферы услуг в выпуске составила 35,6-36,5%.

Доля импорта в объеме потребленных ресурсов в России составляла в 2020 г. 9,6%. Критично то, что импорт в 2016 г. состоял на 77,6% из продукции сферы материального производства, а в 2020 г. уже на 85,0%. Наиболее критичные позиции в импорте за 2020 г. составили: компьютерное, электронное и оптическое оборудование (10,6%), машины и оборудование, в т.ч. электрическое (16,2%), автотранспортные средства, прицепы, полуприцепы, оборудование прочее (11,2%), пищевые продукты, напитки, табачные изделия (6,6%), текстиль и продукция из него, одежда, кожа, продукция из кожи (6,1%), химические вещества и продукты (6,7%), лекарственные средства и материалы, применяемые в медицинских целях (4,2%). Если позицию «компьютерное, электронное и оптическое оборудование» учитывать вместе с программными продуктами и услугами по разработке программного обеспечения, консультационными и аналогичными услугами в области информационных технологий, она занимала в импорте составляли 12,9% в 2020 г. Наибольшая доля импортной продукции сосредотачивалась в обрабатывающих производствах (77,1%).

Рассмотрим создание валового продукта с точки зрения добавленной стоимости (табл. 2). Из отраслей материального производства самая высокая добавленная стоимость наблюдалась в отрасли пищевой продукции (84,4% в 2020 г.), обрабатывающих производствах (58,3%), строительстве (79,2%), в сельском хозяйстве (49,8%). В сфере услуг: в образовании (95,8%), здравоохранении (96,6%), спорте, отдыхе, развлечениях (80,8%). В ИТ-технологиях добавленная стоимость составляла всего 26,3% в 2020 г.

Таблица 2 / Table 2

Динамика и структура конечного потребления в валовом выпуске в России

Отрасль	Удельный вес конечного потребления, %				
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сельское хозяйство	80,0	81,7	79,3	80,0	77,3
Добывающие производства	0,24	0,26	0,19	0,18	0,21
Обрабатывающие производства	58,5	57,3	55,1	56,3	56,1
Производство электроэнергии	96,6	97,1	96,2	95,6	97,4
Строительство	0,19	0,16	0,17	0,14	0,18
Всего материальная сфера	44,8	43,7	40,7	42,1	44,2
ИТ-технологии	19,4	17,7	16,8	20,0	14,9
Транспорт	55,9	58,7	56,7	62,3	56,8
Образование	99,5	99,6	99,5	99,7	99,8
Здравоохранение	99,9	99,9	99,9	99,9	99,9
Спорт, отдых, развлечения	99,9	99,9	99,9	99,8	99,8
Всего сфера услуг	84,2	84,9	84,7	85,0	85,2

Источник / Source: Составлено авторами / Compiled by the authors.

Добавленная стоимость складывается из расходов на конечное потребление домохозяйств и государственного управления, валовое накопление капитала и из чистого экспорта. Более высокий удельный вес конечного потребления, конечно, характерен для услуг здравоохранения, образования, спорта, отдыха, развлечений. Низкий уровень конечного потребления сложился в ИТ-технологиях (14,9% от добавленной стоимости) и строительстве (0,18% от добавленной стоимости) (табл. 1). В строительстве основная часть добавленной стоимости находится в стадии накопления основного капитала (96,5%). Из отраслей материального производства на конечного потребителя работали отрасли электроэнергетики (97,1%), торговля (98,8%), сельского хозяйства (77,3%), пищевая промышленность (92,1%), обрабатывающие производства (56,1%).

Наибольший вклад в накопление основного капитала вносили строительная отрасль (96,5% в 2020 г.), ИТ-технологии (39,6% в 2020 г.), лесоводства и лесозаготовок (27,6%), что свидетельствует о потенциале этих отраслей для создания нового продукта в будущем. Недостаточен уровень накопления в горнодобывающих производствах (9,7%), производстве пищевой продукции (0,7%), обрабатывающих производствах (17,8%).

В сфере материального производства усиливалась тенденция к росту экспорта в сельском хозяйстве с 14,5% в 2016 г. до 21,4% в 2020 г., в пищевой промышленности соответственно – с 5,3% до 7,2%, в обрабатывающих производствах соответственно – с 24,6% до 26,2%, что оценивается положительно. В экспорте снизилась доля сырьевых производств: горнодобывающих – с 92,0% до 90,1%, лесозаготовок – с 57,3% до 45,1% (табл. 2). Усиление экспортной составляющей в добавленной стоимости в ИТ-технологиях – с 39,3% в 2016 г. до 45,5% в 2020 г свидетельствовало о высокой востребованности продукции и услуг российских программистов за рубежом из-за дешевизны оплаты труда при высоком качестве продукции.

Доля обрабатывающих и перерабатывающих производств (сельское хозяйство, производство пищевых продуктов, обрабатывающие производства) в валовом выпуске увеличилась незначительно с 33,3% в 2016 г. до 34,3% в 2020 г.

Продукция сырьевых производств (добыча полезных ископаемых и лесозаготовки) составляла в 2016 г. 7,6% в валовом выпуске, в 2020 г. – 7,3%. Продукция лесоводства, лесозаготовок и связанных с лесным делом услуг находилась на совершенно недостойном и трудно объяснимом низком уровне – 0,21% для такой страны, богатой лесными ресурсами.

Пока ощутимый рост капиталотдачи и ресурсотдачи (отношение сумм накопления основного капитала и промежуточного потребления к валовому выпуску в отраслях) наблюдался только:

- в сельском хозяйстве: с 77,5 руб. в 2016 г. до 149,5 руб. в 2020 г. по капиталотдаче и с 1,84 руб. в 2016 г. до 1,99 руб. в 2020 г. по ресурсотдаче;

- в пищевых производствах: с 74,8 руб. в 2016 г. до 163,3 руб. в 2020 г. по капиталотдаче и с 5,86 руб. в 2016 г. до 6,42 руб. в 2020 г. по ресурсотдаче.

В остальных отраслях наблюдалось снижение эффективности производства или незначительный и неустойчивый рост.

Соотношение экспорта и импорта продукции в валовом выпуске отвечало логике зарабатывания доходов на экспорте в следующих отраслях: сельское хозяйство, лесоводство и лесозаготовки, горнодобывающие отрасли, электроэнергетика. В остальных отраслях импорт продукции в удельном весе в валовом выпуске превышал экспорт продукции.

По оценке Центробанка России в 2024 г. сложилась ситуация «перегрева экономики». Это свидетельствует о том, что наметившаяся структурная трансформация экономики еще не набрала нужных оборотов и глубины, способных отвечать на рост потребительского спроса. Ключевые параметры экономики:

- до сентября 2024 г. Центробанк России продавал валюту, снижая объемы продажи ближе к концу года, тем самым относительно повышая объем рублевой денежной массы. Соответственно, ключевая ставка удерживается на высоком уровне 19% годовых. С сентября 2024 г. начались покупки валюты, что означает рост рублевой денежной массы для обслуживания оборота и создание предпосылок для дальнейшего роста ключевой ставки как основного регулятора «перегрева экономики» (Во втором полугодии 2024 года, 2024 г.);

- в экономике наблюдается положительный платежный баланс, экспорт превышает импорт. Но отток капитала в 1 квартале 2024 г. к соответствующему периоду прошлого года

усилился с 16,0 млрд. руб. до 28 млрд. руб., что связано с задержками экспортной валютной выручки. Это приводит к дефициту валюты на внутреннем рынке, Центробанк может прибегнуть к покупке валюты в обмен на рубли. Рост рублевой денежной массы вызовет дальнейшее повышение ключевой ставки;

- признаков роста индекса промышленного производства не наблюдается: в январе-апреле – 105,4% к уровню прошлого года, в январе-августе – 104,5%, как и признаков существенного снижения индексов цен промышленников и цен на инвестиционные товары. Это значит, что факторов, провоцирующих снижение ключевой ставки до конца года, не предвидится;

- критически низкие уровни безработицы (в апреле 2024 г. 2,7%, в августе - 2,4%) означают, что дефицит рабочей силы остается основным фактором, препятствующим росту производства (Алексеева, 2022).

Заключение

Из проведенных исследований сделаны следующие выводы. Многоотраслевая российская экономика является самодостаточным структурным образованием, которое полностью обеспечивается себя, свое население, а также часть мирового сообщества сырьевыми ресурсами, готовой продукцией, работами и услугами собственного производства, отличается эффективностью и устойчивостью развития. Ряд внешних и внутренних потрясений может вызвать лишь краткосрочные структурные сдвиги в некоторой части отраслей. Медленно, но верно осуществляется переток ресурсов и продукции из сырьеориентированных отраслей в отрасли с высокой добавленной стоимостью. Структурные резервы роста экономики заключаются в сокращении импорта высокотехнологичного оборудования и машин, некоторых видов сырья, росте собственного производства инновационной продукции данного профиля, инвестировании отраслей, способных производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, применении цифровых интеллектуальных технологий в производстве и управлении, снижающих остроту дефицита трудовых ресурсов. Следует обратить внимание на лесное и лесозаготовительное хозяйство, IT-технологии, т.к. в этих отраслях кроется высокий сырьевой и интеллектуальный ресурсный потенциал. Пока отрасль IT-технологий по структуре использования ресурсов и продукции находится на уровне сырьеориентированной отрасли лесоводства и лесозаготовок, т.к. в этих отраслях высокое промежуточное потребление, низкая добавленная стоимость, низкое конечное потребление и при этом высокая экспортная составляющая. Большие перспективы в дальнейшей интеграции отрасли IT-технологий в экономику, т.к. у отрасли высокий мультипликативный эффект: ее продукция более-менее равномерно востребована во всех отраслях. У отрасли IT-технологий и лесохозяйственной отрасли большой потребительский потенциал внутри нашей страны, а в настоящее время, как известно, правительство активно поддерживает рост доходов населения и уровень благосостояния семей с детьми – основных потребителей программных средств. Поддержка деревянного малоэтажного домостроения также направлена на решение множества проблем в самых разных секторах экономики. Рост собственного производства нивелирует разрыв между потенциально возможным выпуском продукции и фактически достигнутым выпуском продукции. Создадутся условия для снижения до целевых уровней инфляции и ключевой ставки процента – основного регулятора экономического роста. Набранные темпы накопления основного капитала и правильно выбранные стратегические направления инвестирования, благоприятные геополитические условия будут способствовать дальнейшей структурной трансформации экономики в сторону устойчивого экономического развития.

Практическая значимость данного исследования заключается в акцентировании внимания на тех сферах и секторах экономики, которые имеют потенциал роста выпуска продукции и добавленной стоимости и который может быть лучше реализован с использованием инструментария бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства.

Литература / References

1. Алексеева, Н.А., Абашева, О.Ю., Редников, В.Л. (2022), "Макроэкономические параметры российской экономики в период экономических санкций", *Russian Economic Bulletin*, № 3. с. 67-74. [Alekseeva, N.A., Abasheva, O.Yu., Rednikov, V.L. (2022), Macroeconomic parameters of the Russian economy during the period of economic sanctions, *Russian Economic Bulletin*, No. 3. pp. 67-74].
2. Алешина, О.Г. (2024), "Воздействие экономических шоков на воспроизводственную систему при переходе к неоиндустриальному структурному сдвигу", *Вестник Самарского государственного экономического университета*, № 2(232), с. 9-17. [Alyoshina, O.G. (2024), "The impact of economic shocks on the reproductive system during the transition to a neo-industrial structural shift", *Bulletin of the Samara State University of Economics*, No. 2(232), pp. 9-17].
3. Алешина, О.Г. (2024), "Концепция неоиндустриального структурного сдвига в условиях внешних шоков", *Экономика и управление инновациями*, № 2(29), с. 4-11. [Alyoshina, O.G. (2024), "The concept of a neo-industrial structural shift in the face of external shocks", *Economics and Innovation Management*, No. 2(29), pp. 4-11].
4. Алешина, О.Г. (2023), "Методология исследования неоиндустриального структурного сдвига в экономике в условиях внешних шоков", *Экономика и управление инновациями*, № 4(27), с. 11-19. [Alyoshina, O.G. (2023), "Methodology for the study of the neo-industrial structural shift in the economy in the context of external shocks", *Economics and Innovation Management*, No. 4(27), pp. 11-19].
5. Во втором полугодии 2024 года (с 1 июля по 28 декабря) Банк России осуществляет покупку или продажу иностранной валюты (2024), доступно по адресу: <https://yandex.ru/search/?text> (Дата обращения 19.10.2024 г.) [In the second half of 2024 (from July 1 to December 28), the Bank of Russia purchases or sells foreign currency (2024), available at: <https://yandex.ru/search/?text> (Accessed 19.10.2024)]
6. Клейнер, Г.Б. (2015), "Экономика нефти - экономика знаний - экономика мысли: горизонты российской экономики", *Научные труды Вольного экономического общества России*, Т. 196, № 7, с. 291-301. [Kleiner, G.B. (2015), "The economics of oil - the economics of knowledge - the economics of thought: horizons of the Russian economy", *Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia*, vol. 196, No. 7, pp. 291-301].
7. Михеева, Н.Н. (2023), "Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам", *Проблемы прогнозирования*, № 6 (201), с. 207-219. [Mikheeva, N.N. (2023), "Adaptation of the spatial structure of the Russian economy to external shocks", *Problems of forecasting*, No. 6 (201), pp. 207-219.]
8. "О стратегии развития экономики России" (2011), *Экономическая наука современной России*, 2011, № 3(54), с. 7-31, [On the Strategy for the Development of the Russian Economy (2011), *Economic Science of Modern Russia*, 2011, No. 3 (54), p. 7-31].
9. Радионова, Е.А. (2023), "Состоятельность государства как фактор укрепления устойчивости экономики в условиях внешних шоков", *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, № 61, с. 17-31, [Radionova, E.A. (2023), "The viability of the state as a factor in strengthening the stability of the economy in conditions of external shocks," *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, No. 61, p. 17-31].
10. Скрипко, В.Е. и Жиронкин, С.А. (2024), "Тенденции развития сетевой структурной трансформации российской экономики в условиях внешних шоков", *Экономика и управление инновациями*, № 1(28), с. 39-47, [Skripko, V. E. and Zhironkin, S. A. (2024), "Trends in the Development of Network Structural Transformation of the Russian Economy in Conditions of External Shocks," *Economics and Innovation Management*, No. 1 (28), pp. 39-47].
11. Татаркин, А.И. (2009), "Причины мирового финансового кризиса и возможные сценарии развития России в условиях глобализации", *Российский юридический журнал*, № 2(65), с. 124-138, [Tatarkin, A.I. (2009), "Causes of the Global Financial Crisis and Possible Scenarios for Russia's Development in the Context of Globalization", *Russian Law Journal*, No. 2 (65), pp. 124-138].
12. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" (2020), доступно по адресу:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (Дата обращения 11.10.2024 г.), [Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030" (2020), available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (Circulation date 11.10.2024)].

13. Ясин, Е. Г. (2001), "Модернизация российской экономики: что в повестке дня", *Экономический журнал Высшей школы экономики*, т. 5, № 2, с. 157-178, [Yasin, E.G. (2001), "Modernization of the Russian Economy: What's on the Agenda," *Economic Journal of the Higher School of Economics*, vol. 5, No. 2, pp. 157-178].

14. Bell D. (1973), *"The coming of postindustrial society. Venture in social forecasting"*, New York: Collman Pub., 884 p.

15. Banerjee, S., & Basu, P. (2019), "Technology shocks and business cycles in India", *Macroeconomic Dynamics*, 23(5), pp. 1721-1756.

16. Boateng, A., Ameyaw, C., Mensah, S. (2020), "Assessment of systematic risk management practices on building construction projects in Ghana", *International Journal of Construction Management*, DOI: 10.1080/15623599.2020.1842962.

17. Bondarev, A., Greiner, A. (2022), "How ongoing structural change creates a double dividend: outdating of technologies and green growth", *Port Econ*, J 21, pp. 125–160.

18. Boroumand, S., Mohammadi, T., Pajooyan, J., Memarnejad, A. (2019), "The effect of exchange rate, oil prices and global inflation shocks on macroeconomic variables for the Iranian economy in the form of a dsge model", *Iranian Economic Review*, 23 (4), pp. 1057-1083.

19. Duede, E., Zhorin, V. (2016), "Convergence of economic growth and the Great Recession as seen from a Celestial Observatory", *EPJ Data Sci.* 5, 29, <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-016-0091-3>.

20. Geiger, M., Scharler, J. (2021), "How Do People Interpret Macroeconomic Shocks? Evidence from U.S. ", *Survey Data Journal of Money, Credit and Banking*, № 53 (4), pp. 813-843,

21. Reich R. (1992), *"The work of nations. Preparing ourselves for 21st Century capitalism"*, New York: Univ. of N.Y. Pub., 188 p.

22. Reif, M. (2022), "Time-Varying Dynamics of the German Business Cycle: A Comprehensive Investigation", *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, № 84 (1), pp. 80-10.

23. Ryazantsev, S.V., Rostovskaya, T.K., Zolotareva, O.A. (2021), "System for measuring the socio-economic sustainability of the Eurasian Economic Union", *Economy of Region*, № 17 (3), pp. 971-986, DOI: 10.17059/EKON.REG.2021-3-18.

24. Soummane, S., Ghersi, F., Lefèvre, J. (2019), "Macroeconomic pathways of the Saudi economy: The challenge of global mitigation action versus the opportunity of national energy reforms", *Energy Policy*, № 130, pp. 263-282, DOI: 10.1016/j.enpol.2019.03.062.

25. Soufi, H. R., Mohsen, A. E., Shirazi, A. (2022), "A quantitative approach for analysis of macroeconomic resilience due to socio-economic shocks", *Socio-Economic Planning Sciences*. Volume 79, February 2022, DOI: 10.1016/j.seps.2021.101101.

26. Terzi, A. (2020), "Macroeconomic adjustment in the euro area", *European Economic Review*. Volume 128, September 2020, 103516, doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103516.

27. Zhang, S., Zhu, C., Li, X., Yu, X., Fang, Q. (2022), "Sectoral heterogeneity, industrial structure transformation, and changes in total labor income share", *Technological Forecasting and Social Change*, 176, No 121509, DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121509.

Об авторах

Алексеева Наталья Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и организация АПК», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск.

Гоголев Игорь Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и организация АПК», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск.

Кислицкий Михаил Михайлович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва.

Рыжкова Ольга Игоревна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и организация АПК», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», Ижевск.

About author

Natalya A. Alekseeva, Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex, FSBEI HE Udmurt State Agrarian University, Izhevsk.

Igor M. Gogolev, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Organization of Agriculture, Udmurt State Agrarian University, Izhevsk.

Mikhail M. Kislitsky, Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Olga I. Ryzhkova, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Organization of Agriculture, Udmurt State Agrarian University, Izhevsk.